

JEL classification: N41, N71, F13
УДК 338(73)(091)
DOI 10.17150/2308-2488.2026.27(3).459-482

Ю.В. Латов

Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация

Сепаратизм Конфедеративных Штатов Америки в компаративистском и мир-системном контекстах

Аннотация. В научном эссе демонстрируется, что использование теоретических подходов компаративистики и мир-системного анализа позволяет существенно уточнить и дополнить выводы об экономике Конфедеративных Штатов Америки, сделанные на основе обобщения конкретно-исторических фактов. Гражданская война в США 1861–1865 гг. была не только одним из многих проявлений сепаратизма (точнее, сецессионизма), но и важным элементом борьбы за лидерство в капиталистической мир-системе в «британский век». Соединенные Штаты стремились стать новым геоэкономическим и геополитическим центром, альтернативным Западной Европе, что было возможно только после победы в США экономического национализма (в частности, протекционизма над фритредерством). Именно это было очень важным аспектом борьбы Севера и Юга, скрытым более поверхностной борьбой за отмену / сохранение рабства. Поэтому мир-системный взгляд позволяет увидеть в Гражданской войне не только «Войну за независимость Юга» (с позиций конфедератов), но и своего рода третью антибританскую Войну за независимость (с точки зрения федералов). При этом важно отметить взаимосвязь Гражданской войны в США 1861–1865 гг. с французской интервенцией в Мексику 1861–1867 гг. как параллельных попыток Великобритании и ее союзников пресечь самостоятельное развитие американских стран. В мир-системном контексте не слишком удачный «Хлопковый заем» 1863 г. оказывается очень важным элементом политики конфедератов —

попыткой спровоцировать прямое военное вмешательство Франции на стороне Юга против Севера, соединив войны на территориях США и Мексики. Мир-системный подход следует дополнять компаративистским, сравнивающим разные сецессионистские движения. При таком подходе социально-экономические «провалы» Конфедерации — прогрессирующая нехватка финансовых и других ресурсов на фоне организационной децентрализации — оказываются не столько результатом ошибок политиков Конфедерации, сколько имманентной характеристикой любых таких движений. В частности, социально-экономические проблемы Конфедерации мало отличаются от проблем американских колонистов в первую Войну за независимость 1775–1783 гг., которые, однако, смогли победить, несмотря на них. Гораздо более важным «провалом» представляется неудача Конфедерации в поиске внешних союзников, без помощи которых она (как и любое сецессионистское движение) с самого начала имела мало шансов на успех.

Ключевые слова. Сепаратизм, сецессионизм, Гражданская война в США, мир-системный анализ, «британский век», экономический национализм, Конфедеративные Штаты Америки, компаративистика.

Информация о статье. Дата поступления 25 июня 2026 г.; дата принятия к печати 7 июня 2026 г.; дата онлайн-размещения 31 августа 2026 г.

Yu.V. Latov

*Order of the Red Banner of Labor Academy of Management
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Moscow, the Russian Federation*

Separatism of the Confederate States of America in Comparative and World-Systems Perspectives

Abstract. This essay demonstrates that the combined application of comparative historical analysis and world-systems theory makes it possible to refine and expand conclusions about the economy of the Confederate States of Amer-

ica that have traditionally been drawn from the generalization of historical evidence alone. The American Civil War (1861–1865) is interpreted not merely as one of many manifestations of separatism (more precisely, secessionism), but also as a crucial episode in the struggle for leadership within the capitalist world-system during the “British Century”. The United States sought to emerge as a new geoeconomic and geopolitical center capable of challenging Western Europe, a transformation that became possible only after the triumph of economic nationalism, particularly protectionism over free trade. This conflict constituted a fundamental, though often overlooked, dimension of the struggle between the North and the South, overshadowed by the more visible controversy over the abolition or preservation of slavery. From a world-systems perspective, therefore, the Civil War may be understood not only as the “War of Southern Independence” from the Confederate viewpoint, but also as a form of a third anti-British War of Independence from the Federal perspective. Particular attention is paid to the relationship between the American Civil War and the French intervention in Mexico (1861–1867), interpreting these conflicts as parallel attempts by Great Britain and its allies to impede the autonomous development of the American continent. Within this framework, the unsuccessful Cotton Loan of 1863 emerges as a significant component of Confederate strategy, aimed at provoking direct French military intervention on behalf of the South by linking the wars in the United States and Mexico. The world-systems approach is complemented by comparative analysis of secessionist movements. From this perspective, the Confederacy’s socioeconomic failures, particularly the growing shortage of financial and material resources amid organizational decentralization, appear not simply as the consequence of political miscalculations, but as inherent characteristics of secessionist movements in general. In this respect, the Confederacy’s socioeconomic difficulties closely resembled those experienced by the American colonies during the Revolutionary War (1775–1783), despite the latter’s ultimate success. The Confederacy’s most consequential failure, however, lay in its inability to secure external allies, without whose support it (like virtually any secessionist movement) had little prospect of achieving independence.

Keywords. Separatism, secessionism, American Civil War, world-systems analysis, “British century”, economic nationalism, Confederate States of America, comparative studies.

Article info. Received June 25, 2026; accepted June 7, 2026; available online August 31, 2026.

Социально-экономическая история Конфедеративных Штатов Америки (КША) может показаться мимолетным и малоактуальным эпизодом истории позапрошлого века. Мысль о том, что во второй половине XIX века в стране европейского модерна можно было несколько лет упорно воевать за *сохранение* рабства (уже после отмены крепостного права — совсем не рабства! — в Российской империи), кажется с высоты современности настолько нелепой, что априорная обреченность рабовладельцев-южан на поражение как бы и не вызывает сомнений. С.В. Ксензов в своих статьях [1; 2] акцентирует внимание на расстройстве финансов и децентрализации власти как главных социально-экономических причинах поражения Конфедерации. Но можно ли было вообще победить, воюя за *такое* дело? Россияне привыкли с советских времен считать американскую Гражданскую войну исключительно войной за отмену рабства — «за всё хорошее против всего плохого». Поэтому у современных россиян не вызывают особого удивления и интереса сообщения о современной «войне с памятниками» — о массовом демонтаже в 2010-2020-х гг. в США памятников политикам и военачальникам южан-конфедератов (см., например, [3–5]).

В то же время может показаться странным, что этих памятников «защитникам рабства», оказывается, в современной Америке было (и остается) так много. После 2020 г., когда под влиянием борьбы за «историческую справедливость» особенно широко развернулась «война с памятниками», их демонтировали в США более сотни, но далеко не все. Принципиально важно, что противодействие демонтажу очень сильное: в не-

которых штатах приняты запреты против сноса таких памятников, а при Трампе некоторые ранее демонтированные монументы стали восстанавливать. Базальное объяснение, что массовая *позитивная* память о Конфедерации (включая памятники ее деятелям) есть симптом живучести расизма в современной Америке, содержит рациональное зерно (именно этим американские «борцы с расизмом» и обосновывают снос памятников конфедератам), но вряд ли является полным. Достаточно вспомнить «Унесенных ветром» (классический роман М. Митчелл в современной Америке тоже находится на грани «отмены»), чтобы понять, что позитивная память-ностальгия о потерпевшем поражение Юге отнюдь не тождественна ненависти к чернокожим американцам.

В этой связи напомним общеизвестный факт, что накануне Гражданской войны 1861–1865 гг. рабовладельцами в южных штатах были лишь менее 1/3 белых, наличие хотя бы одного-двух черных рабов являлось критерием принадлежности к зажиточным слоям. Поэтому подавляющая масса солдат Конфедерации (армия всегда комплектуется в первую очередь из небогатых людей) заведомо состояла из не-рабовладельцев, которые шли насмерть воевать непонятно ради чего, если оценивать Гражданскую войну как войну в первую очередь именно за защиту / отмену рабства.

Автору данной статьи уже приходилось писать [6; 7], что современные трафаретные представления о Гражданской войне в США далеко не во всем соответствуют конкретно-историческим реалиям. Самое главное, многие принципиально важные наблюдения и выводы о социально-экономической (не)состоятельности Конфедерации требуют корректировки с точки зрения мир-системного анализа¹ и компаративистского подхода, которые качественно расширяют

¹ Примером мир-системного подхода к экономическим аспектам Гражданской войны в США является, например, [8].

контекст анализа кейса КША и проблематизируют его. Такое расширение позволит, в частности, найти многие нетривиальные параллели между Америкой более чем полуторавековой давности и современным миром. Ведь хотя в самих современных США предпосылок для сепаратизма сейчас мало, однако есть другие регионы планеты, где их гораздо больше [9]. Российскому читателю достаточно напомнить про «независимую Ичкерия» второй половины 1990-х гг., а также про современные события на Украине, которые начались в 2014 г. с сепаратизма Донецкой и Луганской республик. На примере КША можно увидеть общие социально-экономические закономерности сепаратистских (точнее говоря, сецессионистских²) движений, которые актуальны и в современном мире.

Война против рабства или война против фритредерства?

Гражданская война между Севером и Югом активно была в первую очередь войной за выбор национальной модели развития — будет ли страна «хлопковым придатком» Западной Европы или станет самостоятельным геоэкономическим и геополитическим центром, конкурентным по отношению к Европе. Конечно, в XIX в. не мыслили в категориях «национальных моделей», «геоэкономики» и т.д., все эти понятия сформируются в экономической науке лишь через столетие (хотя некоторое приближение к ним можно найти уже в работах немецкого экономиста Фридриха Листа 1840-х гг.). Но, как известно, можно говорить прозой, не подозревая об этом.

² Сепаратизм — любое движение за политическое обособление какой-либо территории, не обязательно путем выхода из состава государства, в то время как сецессионизм — крайняя разновидность сепаратизма, борьба именно за полный выход из одного государства для перехода в другое или для образования нового государства. Например, «тихая революция» в Квебеке в 1960-х гг., которая привела к автономии этого «французского» региона Канады, была проявлением сепаратизма, но не сецессионизма.

Для руководителей Америки того времени главным вопросом, из-за которого началась война, был, возможно, вопрос не столько о рабстве, сколько о торговой политике, прямо влияющей на выбор между преимущественно экспортно-сырьевым («хлопковым») и преимущественно промышленным развитием национальной экономики Соединенных Штатов. О сравнительной важности этих двух «камней преткновения» во взаимоотношениях Севера и Юга можно отчасти судить по хронологии событий. Оба конфликта — и по поводу сохранения / отмены рабства, и по поводу выбора между фритредерством и протекционизмом — тянулись с начала XIX в., когда сформировалась «хлопкозависимость» Юга. Но резкое повышение тарифов на импортные товары³ произошло в марте 1861 г. еще в самые последние дни президентства предшественника Авраама Линкольна (за два дня до инаугурации нового президента) — явно с расчетом на помощь радикалу-«новичку», положение которого являлось «не очень» устойчивым и которому теперь достаточно было реализовывать уже принятое решение. А отмену рабства на территории мятежных штатов А. Линкольн провозгласил только в сентябре 1862 г., в разгар войны, в то время как на территории лояльных штатов его отменили лишь в 1865 г., в самом конце Гражданской войны. Известны высказывания Линкольна о вынужденности отмены рабства, о готовности отказаться от освобождения рабов ради сохранения политического единства страны. В то же время по поводу отмены взлета таможенных тарифов он не высказывался, хотя, казалось бы, было легко, пока не начались полномас-

³ Закон о таможенных тарифах, подписанный уходящим президентом Джеймсом Бьюкененом, повысил среднюю ставку пошлин на импортные товары с исторического минимума (около 17 % в 1857–1860 гг.) до примерно 26 %, т.е. в полтора раза. Через несколько месяцев, уже на фоне развертывания Гражданской войны, тарифы были повышены еще на 10 %, так что за 1861 г. они удвоились (см., например, [10; 11]).

штабные боевые действия, подать таким образом сигнал южанам о готовности к компромиссу.

Вопрос о выборе фритредерства или протекционизма в реалиях XIX в. был для США, в сущности, выбором между зависимым и самостоятельным развитием. Этот век был «британским веком», поскольку Великобритания не только «правила морями» (контролировала основные международные торговые пути), но и являлась «мастерской мира», лидируя в технологиях и контролируя мировые рынки промтоваров. При низких (фритредерских) таможенных тарифах дешевые британские товары легко подавляли развитие промышленности в менее развитых странах, воспроизводя экономическое лидерство Великобритании и оставляя этим странам роль лишь сырьевых придатков⁴. Экономическое лидерство дополнялось военно-политическим, поскольку после Наполеоновских войн, ликвидировавших попытку Франции перехватить роль глобального лидера, роль союзников Великобритании соглашались играть все другие высокоразвитые страны Западной Европы (включая Францию). Иные государства в этой мир-системной структуре имели ограниченную акторность, если только не проводили целенаправленной политики стимулирования национальной самостоятельности. Самый известный пример такой политики — объединение Германии, начатое в 1830-х гг. с Таможенного союза и завершенное в 1870-х гг. разгромом Франции. Аналогичная логика проявлялась и в других странах: чтобы стать более-менее самостоятельной по отношению к

⁴ Хотя термин-мем «сырьевой придаток» закрепился только в XX в., в XIX в. заложенный в этом термине смысл был хорошо известен и активно использовался сторонниками экономического национализма. Достаточно сослаться на видного американского экономиста Генри Кэри, советника президента Линкольна по экономическим вопросам, который прямо утверждал, что британская система низводит Соединенные Штаты до роли экспортера сырья (см. [11, с. 32]).

глобальному лидеру, страна должна сначала под защитой протекционистских барьеров поднять национальную промышленность и добиться экономического суверенитета, а потом закреплять и дополнять его нонконформистскими внешнеполитическими действиями. Политики Великобритании эту логику понимали и в меру сил старались бороться с экономическим национализмом в других странах, не дожидаясь его перерастания в политический анти-британский национализм⁵. Но развитие ситуации в Соединенных Штатах в 1860-х гг. стало сильным (и по своим долгосрочным последствиям — фатальным) ударом по мир-системной гегемонии Великобритании.

Для комплексного понимания контекста Гражданской войны в США надо учитывать, что вплоть до последней трети XIX в. Соединенные Штаты находились в капиталистической мир-системе где-то на грани ядра и полупериферии, т.е. имели ограниченную акторность из-за экономического отставания (конечно, относительно Западной Европы). Принятая в 1823 г. «доктрина Монро» хотя и провозглашала всю Америку зоной интересов Соединенных Штатов, защищающих ее от европейских «агрессоров», но до конца XIX в. оставалась скорее декларацией о намерениях, чем реальным проявлением власти в мир-системе. Это связано с тем,

⁵ Примером успешной борьбы Великобритании против «самостийности» других стран является ее помощь в начале 1890-х гг. политической оппозиции в Чили, в результате чего был оборван курс на превращение этой страны в «латиноамериканскую Европу» (т.е. в одну из первых «новых индустриальных стран»). Похожее уничтожение самостоятельной модели экономического развития произошло в 1860-х гг. во время Парагвайской войны, когда Великобритания активно поддерживала противников Парагвая, проводившего политику самостоятельной индустриализации. Еще раньше, в 1840-х гг., англичане навязали фритредерскую политику Египту, ликвидировав курс Мухаммеда Али на независимость страны. В этом же ряду находятся и «опиумные войны» 1840-1850-х гг. — борьба защитников свободы торговли за свободу при помощи торговли отравлять китайцев опиумом из британской Индии.

в первую очередь, что американская промышленность была еще слабоконкурентной в сравнении с промышленностью западноевропейских стран ядра (не только Великобритании). Без протекционистской защиты Соединенные Штаты были бы обречены оставаться сельскохозяйственным «придатком» Западной Европы. И здесь принципиально важен антагонизм интересов промышленного Севера и хлопкового Юга.

Протекционистские тарифы очень сильно помогали экономике Севера (в сущности, без них индустриализация Соединенных Штатов вряд ли состоялась бы), но Югу они только мешали. Юг Соединенных Штатов в предвоенные полвека напоминал латиноамериканские «банановые республики» XX в.: аграрное производство было, по существу, монокультурно («король хлопок») и ориентировано на экспорт, перерабатывающая промышленность (и вообще городская экономика) развита относительно слабо, потребительские промтовары поступали в значительной степени за счет импорта. Поэтому южане почти ничего не получали от протекционистской защиты индустрии, зато многое теряли как потребители импортных товаров, за которые приходилось переплачивать либо отказываться от них в пользу худших отечественных товаров. Агриям-южанам была бы выгодна политика максимального фритредерства, но промышленников-северян свобода торговли могла разорить. Поэтому компромиссы между Севером и Югом шли по линии умеренного протекционизма, в результате которого промышленность США хотя и умеренно развивалась, однако при сохранении существенной зависимости от промышленного импорта из Европы⁶.

⁶ Проявлением полусамостоятельности американской промышленности является, например, двойственность в сфере производства оружия: Север и Юг воевали в Гражданскую в основном оружием собственного производства, но при этом его не хватало, обе стороны осуществляли крупные закупки оружия в Европе (прежде всего, в той же Великобритании).

С приходом к власти администрации А. Линкольна возможности для компромисса резко сократились. Политики, выражавшие интересы Севера, взвинтили таможенные тарифы сразу после победы на выборах нового президента-радикала, четко выразив намерение решительно бороться за «северную» модель развития (т.е. за экономическую и политическую самостоятельность США) против «южной» модели⁷. Политической элите южных штатов оставалось либо смириться со стратегическим поражением своей модели, либо попытаться отделиться от Севера как от враждебного государства. Юг выбрал второй путь, надеясь независимость своего пути развития отстоять силой оружия с надеждой, что «Запад нам поможет». При этом в Конституции Конфедерации четко было зафиксирован запрет протекционистских тарифов на импортные товары. Хотя экономически Юг заметно уступал Северу, его военные силы были, как минимум, не хуже, так что победа конфедератов над федералами вполне могла состояться.

Сепаратистский мятеж или третья Война за независимость?

Еще во времена Шекспира один из британских поэтов ехидно заметил, что (в переводе Маршака) «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае

⁷ Можно встретить противоположное мнение, что «поскольку тарифы не оставили существенного следа ни в декларациях о причинах выхода, ни в предложениях компромисса, их нельзя считать ни главной, ни одной из первостепенных, ни даже сколь-нибудь весомой причиной выхода южных штатов из страны» [12]. Его можно парировать тем, что декларации — слишком публичные документы, чтобы провозглашать в них своекорыстное стремление элиты Юга оставаться «вассалом» Великобритании ради собственного благополучия, а отказ от обсуждения тарифов в предложениях компромисса только доказывает принципиальную бескомпромиссность в этом вопросе националистической элиты Севера. После Гражданской войны протекционистская защита надолго станет важным инструментом конкурентной борьбы США в мир-системе, американцы повернут к фритредерству только в 1930-1940-е гг., уже сами став лидерами мир-системы и заменив «британский век» «американским веком».

его зовут иначе». Поскольку южане в ходе Гражданской войны 1861–1865 гг. потерпели безоговорочное поражение, Конфедеративные Штаты Америки вошли в историю как пример осуждаемого сепаратизма. Сами южане позапрошлого века считали иначе, и многие современные американцы-южане, судя по сотням монументов конфедератам в современной Америке, склонны с пониманием и даже с уважением относиться к умунастроениям своих предков.

Обобщая опыт последних столетий, сразу нужно отметить, что сепессионизм (стремление к политической независимости путем выхода из состава государства) принципиально не может оцениваться как что-то однозначно «плохое» или «хорошее». Конечно, большая страна имеет больше шансов быть успешной, но только «при прочих равных». Сепессионизм активно развивается, если какая-то часть страны имеет сильные культурные особенности и в придачу высокую экономическую самостоятельность. В таких условиях не без оснований возникает надежда, что политическая независимость избавит регион от внешнего подчинения «чужим» правителям и даст возможность более полно и более эффективно распоряжаться собственными доходами. Иногда такая надежда оправдывается (как это было, например, с отделением Бельгии от Нидерландов в 1830 г. или Сингапура от Малайзии в 1965 г.). Иногда она совсем не оправдывается (как, например, отделение Панамы от Колумбии в 1903 г., поскольку новое мини-государство оказалось заложником стремления США жестко контролировать Панамский канал). Чаше эффект оказывается двойственным, так что историки еще долго будут спорить о соотношении негатива и позитива в распаде в начале 1990-х гг. СССР и Югославии, связанного именно с националистическим сепессионизмом.

Не касаясь оценки целей южан в Гражданской войне, следует отметить, что трактовка ее как своего рода

третьей (после войн американцев с Великобританией в 1775-1783 гг. и в 1812-1815 гг.) в истории США Войны за независимость содержит рациональное зерно. Даже в современной Америке более консервативные американцы-южане сохраняют заметные культурные отличия от более либеральных американцев-северян, а в XIX в. разница между «дикси» и «янки»⁸ была еще сильнее. Поэтому конфедераты, воюющие с федералами, чувствовали себя подобно английским колонистам конца XVIII в., боровшимся против своей метрополии. Другое дело, что этот раскол нации, в отличие от событий 90-летней давности, объективно вел не к прогрессивным, а к реакционным в социально-экономическом отношении последствиям. Если для южан Гражданская война была «Войной за независимость Юга», то для северян — объективным продолжением борьбы с Великобританией. Поэтому взгляд на Гражданскую войну в США как на третью Войну за независимость позволяет лучше понять многие ее аспекты.

С. Ксензов отмечает «сепаратистский парадокс»: чем активнее регион стремится к политической автономии, тем сильнее он попадает в зависимость от внешних рынков [2]. Отмеченную закономерность есть смысл сформулировать несколько иначе: чем активнее регион стремится к сецессии, тем сильнее его стремление опереться на внешних акторов (по принципу «враг моего врага — мой друг») и тем сильнее зависимость успеха сецессии от наличия / отсутствия этой внешней помощи. Это было очень ярко продемонстрировано уже во время Войны за независимость североамериканских колоний в 1775–1783 гг.: пока колонисты боролись с британцами один на один, исход «мятежа» был совсем не очевиден; решительный перелом произошел только после вступления в войну Франции, соперника Великобритании, давшей «бун-

⁸ Жаргонные обозначения южан и северян, сохраняющиеся в современных США.

товщикам» деньги, оружие и сильную поддержку профессиональной армии и флота. В XX–XXI вв. тоже есть много примеров, когда сецессионисты делали ставку на внешнюю помощь: когда-то это помогало добиться успеха (например, хорватам, боснякам и косоварам в 1990-х гг. при распаде Югославии), а когда-то приводило скорее к дискредитации «борцов за свободу» как пособников внешних врагов (это относится, в частности, к антисоветским националистическим движениям в СССР 1940-1950-х гг.)⁹.

Потенциальное включение Великобритании в американскую Гражданскую войну было подспудным фактором, который постоянно учитывался федералами и конфедератами. Прямая отправка Великобритании своих войск в Америку на помощь конфедератам была маловероятна: прошедшая несколькими годами раньше Крымская война 1853–1855 гг. показала, что Британия хотя и «правит морями», но тяжело переносит людские и финансовые потери даже при очень локальных военных действиях. Зато перекаldывание издержек военной помощи на союзников Великобритании (прежде всего, на Францию) могло дать эффект, тем более что в ходе той же Крымской войны, где именно французы играли роль основной части сухопутной армии противников России, этот метод (в XX в. его назовут прокси-войнами) успешно прошел апробацию.

В статьях С. Кензова при характеристике бюджета КША рассматриваются только внутренние сборы. Но Конфедерация использовала (подобно многим другим сепаратистам) и внешние источники доходов. Речь идет, прежде всего, о «Хлопковом займе» на 3 млн. ф. ст. [13], организованном в 1863 г. парижским

⁹ Сильная зависимость успеха сепаратистских движений от внешней помощи естественно порождает конспирологические теории, будто внешние акторы и создают сепаратистские движения, но гораздо уместнее предположить, что внешняя помощь может только помочь успеху сепаратизма, но не может его создать, если для этого нет внутренних причин.

банкиром Э. Эрлангером, облигации которого активно продавались в Лондоне¹⁰. Сумма займа была не слишком большой, но он создавал крайне опасную для федералов ситуацию — риск повторения в Соединенных Штатах того же, что происходило в те же самые годы в соседней Мексике.

Если внешнее вмешательство в Гражданскую войну в США осталось лишь нереализованной угрозой, то с более слабой Мексикой западноевропейские державы церемонились меньше, тем более что интервенция западноевропейских держав в Мексике не могла не быть формой давления на «слишком самостоятельные» и гораздо более сильные Соединенные Штаты. Гражданская война в США началась в апреле 1861 г., а через полгода, в октябре 1861 г., Великобритания и ее союзники (Франция и Испания) подписали конвенцию о совместной вооруженной интервенции в Мексику. Формальным поводом для нее был временный отказ (дефолт) нового мексиканского правительства от долгов предшествующего правительства (примерно на 16 млн. ф. ст.) западноевропейским (в основном британским) банкирам. Впрочем, когда сопротивление мексиканцев неожиданно оказалось упорным, то Великобритания и Испания предпочли из этой «игры» выйти, а Франция воевала до 1867 г., пытаясь создать Мексиканскую империю под французским протекторатом. На пике успехов французские интервенты в 1863–1865 гг. контролировали большую часть Мексики, кроме ее северных территорий, примыкающих к США, однако в конце концов после ряда поражений французские оккупационные войска покинули эту страну.

Поскольку в 1861–1863 гг. параллельно развертывались успехи конфедератов в войне с федералами и французов в войне с мексиканцами, существовала

¹⁰ Существенная деталь: если конфедераты свои зарубежные займы размещали во Франции и Великобритании, то федералы — в Германии, которая уже тогда противопоставляла себя Великобритании как глобальному лидеру.

прямая и явная угроза слияния этих соседних военных конфликтов. Если бы мексиканское правительство Бенито Хуареса сдалось интервентам, то южане получили бы сильную поддержку. Блокаду северянами портов Юга можно было бы частично преодолеть за счет коммуникаций через Мексику. Самое главное, угроза обесценения облигаций «Хлопкового займа» из-за поражения КША (что реально и произошло в 1865 г.) могла стать — по аналогии с вторжением в Мексику — веским предложением для прямого участия французской армии в Гражданской войне на стороне конфедератов. Но сопротивление Хуареса французам стало очень существенным фактором победы Линкольна над Конфедерацией¹¹. И федералы постарались не остаться в долгу: формально не участвуя в мексиканском конфликте, правительство США негласно помогало Хуаресу финансами и оружием, так что американская помощь стала, в свою очередь, важным фактором изгнания французов из Мексики. В последующие десятилетия Соединенные Штаты сами станут активно «обкусывать» территорию Мексики и подчинять себе ее экономику, но конкретно в 1860-е гг. в отношении между США и Мексикой «победила дружба», направленная против силового давления западноевропейских стран-лидеров.

Сопоставление Гражданской войны в США с другими сецессионистскими конфликтами (прежде всего, с американской же Войной за независимость на 90 лет раньше) позволяет также увидеть, что отмеченные в работах С.В. Ксензова финансовые неурядицы и орга-

¹¹ Свой вклад внесла и Российская империя, отправившая осенью 1863 г., когда угроза внешнего вмешательства в противоборство Севера и Юга была наиболее велика, свои военно-морские эскадры в Нью-Йорк и Сан-Франциско, демонстрируя готовность начать рейдерскую войну против торговых коммуникаций интервентов. Это было отчасти «ответным ударом» Франции и Великобритании за Крымскую войну, но в большей степени — предостережением от вмешательства «прогрессивного Запада» в подавление Россией восстания в Польше.

низационный разброд вообще более чем типичны для таких движений «за свободу». Россияне в этой связи могут вспомнить события 1990-х гг. на Северном Кавказе, когда полевые командиры «независимой Ичкерии» постоянно демонстрировали самостоятельность в отношении не только Москвы, но и собственного политического руководства, самостоятельно организуя финансирование своих боевиков и организацию их действий. В североамериканских штатах, которые в 1775 г. провозгласили независимость от Великобритании, все было аналогично: господствовал принцип слабой конфедерации, так что Континентальному конгрессу и конкретно Джорджу Вашингтону как военачальнику приходилось буквально выпрашивать у властей штатов солдат и средства на войну. Как и конфедераты, конгресс активно печатал малообеспеченные бумажные деньги, быстро теряющие ценность, что существенно подрывало желание колонистов бороться за свободу от Великобритании. Разница в том, что во время первой Войны за независимость американским колонистам сильно повезло с заокеанским союзником, Франция приняла на себя львиную долю издержек войны (что стало одним из факторов экономического кризиса, который привел к Французской революции). Во время же третьей Войны за независимость южанам с союзниками наоборот решительно не повезло: Великобритания предпочла непосредственно не вмешиваться¹², а Франция не нашла сил для существенной помощи конфедератам. Следует согласиться

¹² Хотя в начале войны южане сознательно спровоцировали прекращение поставок хлопка в Европу, чтобы вынудить европейцев прийти на помощь поставщикам сырья, Великобритания в конечном счете пошла другим путем, организовав развертывание хлопковых плантаций на «своих» территориях в Египте и Индии (см., например, [14]). В результате Великобритания выиграла в среднесрочной перспективе, но проиграла в долгосрочной, поскольку Соединенные Штаты по итогам Гражданской войны полностью вышли из сферы британского влияния и уже в XX в. перехватили у Великобритании роль глобального лидера.

с И. Валлерстайном, что в 1860-е гг. «британско-французские попытки создать либеральный мировой порядок, в котором доминировали бы две державы, были значительным успехом, но в то же время и крупной неудачей. ...Обе державы до предела распылили свою экономическую и военную мощь и оказались не в состоянии остановить последовательное восхождение Германии и Соединенных Штатов» [15, с. 154].

Выводы

Как видим, использование подходов с позиций компаративистики и мир-системного анализа позволяет существенно уточнить и дополнить выводы о развитии экономики КША, сделанные на основе обобщения конкретно-исторических фактов. Теоретизирование позволяет не только увидеть новые факты, при обобщении эмпирики кажущиеся второстепенными или даже не замечаемые, но и увидеть нетривиальные взаимосвязи событий в разных странах в различные эпохи.

Во-первых, кейс Гражданской войны в США 1861–1865 гг. целесообразно рассматривать не только как одно из многих проявлений сепаратизма (точнее, сецессионизма), но и как важный элемент борьбы за лидерство в капиталистической мир-системе в «британский век». Речь идет о стремлении Соединенных Штатов стать новым геоэкономическим и геополитическим центром, альтернативным «старым» странам Западной Европы, что было возможно только после победы в США экономического национализма (в частности, протекционизма над фридредерством). Именно это было не явным, но очень важным аспектом борьбы Севера и Юга, скрытым более поверхностной борьбой за отмену / сохранение рабства.

Во-вторых, мир-системный взгляд позволяет увидеть в Гражданской войне не только «Войну за независимость Юга» (с позиций конфедератов), но и третью антибританскую Войну за независимость (с

точки зрения федералов). При этом важно видеть взаимосвязь Гражданской войны в США 1861–1865 гг. с французской интервенцией в Мексику 1861–1867 гг. как параллельных попыток Великобритании и ее союзников пресечь самостоятельное развитие американских стран. При таком взгляде «Хлопковый заем» 1863 г., о котором не всегда вспоминают при описании экономики КША, оказывается очень важным элементом политики конфедератов — неудавшейся попыткой спровоцировать прямое военное вмешательство Франции на стороне Юга против Севера, соединив воедино войны на территориях США и Мексики.

В-третьих, бросающиеся в глаза социально-экономические «провалы» Конфедерации — прогрессирующая нехватка финансовых и других ресурсов на фоне организационной децентрализации — оказываются не столько результатом ситуационных ошибок руководителей Конфедерации, сколько имманентным признаком любых «войн за свободу». Социально-экономические проблемы Конфедерации мало отличаются от проблем не только американских колонистов конца XVIII в., бросивших вызов Британской империи, но и многих других сепаратистских движений, включая самые новейшие. Более важным «провалом» представляется неудача Конфедерации в поиске внешних союзников, без помощи которых она с самого начала имела мало шансов на успех.

В заключение вернемся к вопросу о парадоксах исторической памяти современных американцев о печальной истории Конфедерации. Надо понимать, что объяснение смысла исторических событий через концепты геополитики и геоэкономики пока мало доступны массовому сознанию. Что касается «простых» американцев-южан, то они, конечно, воспринимали Гражданскую войну в позапрошлом веке и воспринимают сейчас не как объективную помощь Великобритании в торможении подъема Америки, а как борьбу

за свою самостоятельность. Для сопоставления можно вспомнить современную историческую память, например, о белогвардейских противниках большевиков в российскую Гражданскую войну 1918-1922 гг. Объективно они играли роль помощников стран Антанты (в первую очередь той же Великобритании) в деле ослабления России как геополитического противника-конкурента Запада. Тем не менее в Иркутске стоит памятник адмиралу А.В. Колчаку, по России разбросаны десятки других «белогвардейских» памятников. По прошествии времени как в США, так и в России субъективная честность и личное мужество проигравших Гражданскую войну начинает в глазах многих перевешивать объективную (с точки зрения национальных интересов) вредность их борьбы. Но «суд истории» должен комплексно учитывать все аспекты конфликтов былых времен и стараться извлекать из них актуальные для современности уроки, категорически не сводящиеся к поиску «героев» и «злодеев».

Список использованной литературы

1. Ксензов С.В. Гражданская война в США: сепаратизм и его последствия / С.В. Ксензов. — EDN ADJWPD // История. Общество. Политика. — 2026. — № 1 (37). — С. 6-14.
2. Ксензов С.В. Экономика Конфедеративных Штатов Америки как пример экономики сепаратизма / С.В. Ксензов. — DOI 0.17150/2308-2488.2026.27(3).437-458. — EDN IOYUHN // Историко-экономические исследования. — 2026. — Т. 27, № 3. — С. 437-458.
3. Кирчанов М.В. Историческая политика, политика памяти и война с памятниками в США / М.В. Кирчанов. — EDN ZVMSRB // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2017. — № 12. — С. 63-75.
4. Кирчанов М.В. Память о Гражданской войне в США в поп-культуре и мемориальном пространстве / М.В. Кирчанов. — DOI 10.15688/jvolsu4.2022.2.3. — EDN BLXYDG // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2022. — Т. 27, № 2. — С. 32-44.

5. Травкина Н.М. Ожившая история США: гражданская война памятников / Н.М. Травкина. — EDN UVNSFJ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2018. — Т. 11, № 2. — С. 12-29.

6. Латов Ю.В. Американское рабство как неотрадиционная экономическая система / Ю.В. Латов. — EDN YIHCRJ // Историко-экономические исследования. — 2003. — Т. 3, № 2-3. — С. 89-117.

7. Латов Ю.В. Новая экономическая история Гражданской войны в Америке и ликвидации плантационного рабства / Ю.В. Латов. — EDN HSPVWB // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2004. — Т. 2, № 1. — С. 97-116.

8. Григорьев Л. Гражданская война в США (1861-1865): экономические аспекты / Л. Григорьев. — DOI 10.17323/2949-5776-2026-4-1-6-25 // Современная мировая экономика. — 2026. — № 4 (1). — С. 6-25.

9. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире / Ф.А. Попов. — Москва : Новый Хронограф, 2012. — 672 с.

10. Irwin D.A. Trade Policy in American Economic History / D.A. Irwin // Annual Review of Economics. Annual Reviews. — 2020. — Vol. 12, no. 1. — P. 23-44.

11. Константины И.П.Н.Т. Эволюция протекционизма в США в период XVIII в. — 1930 г. / И.П.Н.Т. Константины. — EDN DLGBJM // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2025. — № 4 (246). — С. 28-39.

12. Бархавин А. Тарифы и отделение южных штатов США (Часть вторая) / А. Бархавин // Семь искусств. — 2017. — № 4. — URL: <https://litbook.ru/article/10176/>.

13. Brown Jr. W.O. Turning Points in the U.S. Civil War: A British Perspective / W.O. Brown Jr., R.C.K. Burdekin // The Journal of Economic History. — 2000. — Vol. 60, no. 1. — P. 216-231.

14. Beckert S. Emancipation and Empire: Reconstructing the Worldwide Web of Cotton Production in the Age of the American Civil War / S. Beckert // The American Historical Review. — 2004. — Vol. 109, iss. 5. — P. 1405-1438.

15. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789-1914 / И. Валлерстайн. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 496 с.

References

1. Ksenzov S.V. The American Civil War: Secessionism and Its Consequences. *Istoriya. Obshchestvo. Politika* = *History. Society. Policy*, 2026, no. 1, pp. 6–14. (In Russian). EDN: ADJWPD.
2. Ksenzov S.V. The Economy of the Confederate States of America as an Example of the Economy of Separatism. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History and History of Economics*, 2026, vol. 27, no. 3, pp. 437–458. (In Russian). EDN: IOHYHN. DOI 0.17150/2308-2488.2026.27(3).437-458.
3. Kyrchanov M.V. Historical Politics. Politics of Memory and War with Monuments in the USA. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* = *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2017, no. 12, pp. 63–75. (In Russian). EDN: ZVMSRB.
4. Kyrchanov M.W. Memory of American Civil War in the Historical Imagination of Consumer Society. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* = *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2022, vol. 27, no. 32–44. (In Russian). EDN: BLXYDG. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.3.
5. Travkina N.M. Alive American History: Gvil War of Monuments. *Kontury global' nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* = *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 12–29. (In Russian). EDN: UVNSFJ.
6. Latov Yu.V. American Slavery as a Neo-Traditional Economic System. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History and History of Economics*, 2003, vol. 3, no. 2-3, pp. 89–117. (In Russian). EDN: YIHCRL.
7. Latov Yu. V. A New Economic History of the American Civil War and the Elimination of Plantation Slavery. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Economic Herald of Rostov State University*, 2004, vol. 2, no. 1, pp. 97–116. (In Russian). EDN: HSPVWB.
8. Grigorev L. The Civil War in the United States (1861–1865): Economic Aspects. *Sovremennaya mirovaya ehkonomika* = *Contemporary World Economy*, 2016, no. 4, pp. 6–25. (In Russian). DOI: 10.17323/2949-5776-2026-4-1-6-25.
9. Popov F.A. *The Geography of Secessionism in the Contemporary World*. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2012. 672 p.
10. Irwin D.A. Trade Policy in American Economic History. *Annual Review of Economics. Annual Reviews*, 2020, vol. 12, no. 1, pp. 23–44.

11. Constantini I.P.N.T. The Evolution of Protectionism in the United States in the Period XVIII – 1930. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* = *Vestnik of Samara State University of Economics*, 2025, no. 4, pp. 28–39. (In Russian). EDN: DLGBJM.

12. Barkhavin A. Tariffs and the Secession of the Southern States of the United States (Part II). *Sem' iskusstvo* = *The Seven Arts*, 2014, no. 4. Available at: <https://litbook.ru/article/10176/>. (In Russian).

13. Brown Jr. W.O., Burdekin R.C.K. Turning Points in the U.S. Civil War: A British Perspective. *The Journal of Economic History*, 2000, vol. 60, no. 1, pp. 216–231.

14. Beckert S. Emancipation and Empire: Reconstructing the Worldwide Web of Cotton Production in the Age of the American Civil War. *The American Historical Review*, 2004, vol. 109, iss. 5, pp. 1405–1438.

15. Wallerstein I. *The Modern World-System. Vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914*. Los Angeles, University of California Press, 2011. 396 p. (Russ. ed.: Wallerstein I. *The Modern World-System. Vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914*. Moscow, 2016. 496 p.).

Информация об авторе

Латов Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник, Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8; e-mail: latov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7566-4192>; SPIN-код: 1489-6446; AuthorID РИНЦ: 152966.

Author

Yuri V. Latov — D.Sc. in Sociology, Ph.D. in Economics, Chief Researcher, Order of the Red Banner of Labor Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 8 Zoya and Alexander Kosmodemyansky Str., Moscow, 125171, the Russian Federation; e-mail: latov@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0001-7566-4192>; SPIN-Code: 1489-6446; AuthorID RSCI: 152966.

Для цитирования

Латов Ю.В. Сепаратизм Конфедеративных Штатов Америки в компаративистском и мир-системном контекстах /

Ю.В. Латов. — DOI 10.17150/2308-2488.2026.27(3).459-482. — EDN UALDBS // Историко-экономические исследования. — 2026. — Т. 27, № 3. — С. 459–482.

For Citation

Latov Yu.V. Separatism of the Confederate States of America in Comparative and World-Systems Perspectives. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2026, vol. 27, no. 3, pp. 459–482. (In Russian). EDN: UALDBS. DOI: 10.17150/2308-2488.2026.27(3).459-482.